

А.В. ЛУНАЧАРСКИЙ И «КУБАНСКИЙ ЯЗЫК»: ИНТРИГИ СОВЕТСКОЙ УКРАИНИЗАЦИИ 1920-Х ГОДОВ

Елена Юрьевна Борисёнок —

доктор исторических наук,
заведующая отделом восточного славянства,
Институт славяноведения
Российской академии наук
Почтовый адрес: Ленинский проспект, 32А,
Москва, 119334, Россия
Электронный адрес: vostslav@yandex.ru

Аннотация

В современной украинской литературе А.В. Луначарский часто оценивается как противник украинизации. Причины такой негативной оценки связаны с малоизвестными до сих пор высказываниями наркома просвещения РСФСР, сделанными им в сентябре 1926 г. в Краснодаре перед школьной общественностью. В рамках курса на коренизацию для местного населения, среди которого, согласно переписи 1926 г., было много украинцев, решено было открыть национальные школы. Необходимо заметить, что на Кубани были как активные сторонники украинизации, так и ее противники, были и те, кто настаивал на необходимости проводить не украинизацию, а кубанизацию. Отвечая на вопросы озабоченных происходившими на Кубани изменениями в школьной политике местных учителей, Луначарский советовал пользоваться в школах кубанским языком. Данному сюжету практически не уделяется внимания в современной историографии, однако можно предположить, что российский нарком пытался маневрировать между сторонниками и противниками украинизации на Северном Кавказе. При этом он не мог не учитывать настроения тех слоев населения, которые стремились дать своим детям образование в учебных заведениях с русским языком преподавания. В статье анализируется ситуация, в которой Луначарским были сделаны эти заявления, обозначаются сложные перипетии национального строительства на Кубани и попытки оказать влияние на ситуацию в Северо-Кавказском крае со стороны руководства Советской Украины.

Ключевые слова

Советская украинизация, национальная политика, Кубань, А.В. Луначарский

Статья поступила в редакцию 1 сентября 2020 г.

Цитирование: *Борисёнок Е.Ю.* А.В. Луначарский и «кубанский язык»: интриги советской украинизации 1920-х годов // Славянский мир в третьем тысячелетии. 2020. Т. 15. № 3–4. С. 37–52.

ANATOLY V. LUNACHARSKY AND “KUBAN LANGUAGE”: INTRIGUES OF SOVIET UKRAINISATION OF THE 1920s

Jelena Yu. Borisenok,

D. Sc., Head of the Department
of Eastern Slavic Studies,
Institute of Slavic Studies,
Russian Academy of Sciences
Postal address: Leninsky Prospekt, 32A,
Moscow, 119334 Russia
E-mail: vostslav@yandex.ru

Abstract

Modern Ukrainian literature considers Anatoly V. Lunacharsky an opponent of Ukrainisation. The reason for this are some little-known statements made by the people's Commissar of Education of the RSFSR in September 1926 in Krasnodar before school employees. According to the 1926 census, there were many Ukrainians among the local population. Therefore, in accordance with the adopted course on “indigenization”, it was decided to open national schools. In the Kuban there were both active supporters and opponents of Ukrainisation. There were people who insisted on the need to carry out not Ukrainisation, but Kubanisation. When Lunacharsky answered questions about school policy in the Kuban, he advised that the Kuban language be used in schools. Modern historiography pays little attention to this subject. We can assume that the Russian people's Commissar tried to maneuver between the supporters and opponents of Ukrainisation in the North Caucasus. It took into account the desire of the population to give their children an education in educational institutions with Russian as the language of instruction. The article analyzes the situation in which Lunacharsky made this statement, analyzes the features of national policy in the Kuban, and considers attempts to influence the situation in the region made by the leadership of Soviet Ukraine.

Keywords

Soviet Ukrainisation, national policy, Kuban, Anatoly V. Lunacharsky

Received 1 September 2020.

How to cite: Borisenok, Je. Yu., 2020. A.V. Lunacharskii i “kubanskii iazyk”: intrigi sovetsoi ukrainizatsii 1920-kh godov [Anatoly V. Lunacharsky and “Kuban Language”: Intrigues of Soviet Ukrainisation of the 1920s]. *Slavic World in the Third Millennium*, vol. 15, no 3–4, pp. 37–52.

Современные украинские историки, пишущие на тему украинизации 1920–1930-х гг., обычно подчеркивают негативное к ней отношение русской интеллигенции. К числу противников украинизации отнесен и уроженец Полтавы, писатель и публицист, нарком просвещения РСФСР (1917–1929 гг.) Анатолий Васильевич Луначарский. В 1990 г., когда оживился интерес к национальной проблематике, такую оценку Луначарскому дал Я.Р. Дашкевич¹. Имя наркома просвещения РСФСР нередко стало звучать в связи с «теорией борьбы двух культур»: например, Т.А. Комаренко

¹ Дашкевич Я.Р. Українізація: причини і наслідки // Слово і час. 1990. № 8. С. 58–60.

и Н.П. Гончарова сочли Луначарского предшественником Д.З. Лебеда². К противникам украинизации Луначарский был причислен и в коллективной работе, подготовленной Институтом истории Украины в 2003 г.³

Попытаемся разобраться, с чем же связана такая оценка пламенного революционера, который в 1912 г. на страницах журнала «Украинская жизнь» подчеркнул, что «и природа, и историческая судьба создала для украинского народа важные предпосылки для культуры высокой и оригинальной»⁴. Ответом на предложенную журналом анкету по «украинскому вопросу»⁵ явилась статья Луначарского «О национализме вообще и украинском движении в частности». «Обращаясь в частности к украинскому движению, <...> я должен сразу сказать, <...> что ни одно национальное пробуждение не вызывает во мне субъективно столь горячих симпатий»⁶, — писал Анатолий Васильевич. При этом он настаивал, что «вопрос об украинской школе является одним из насущнейших и должен быть поставлен в качестве важной задачи не только украинским, но и всем российским пролетариатом»⁷.

Анкета журнала обсуждалась на страницах украинской газеты либерального направления *Рада* (укр. «Совет»), выходявшей в Киеве. Газета приняла статью Луначарского довольно благосклонно, поскольку тот выразил украинскому национализму «самые широкие симпатии», хотя и указал на нежелательные течения в нем. «Правда, он не приводит более или менее убедительных примеров, из которых стало бы ясно, что эти течения существуют и занимают в украинстве значительное место», — писала газета⁸. Стоит отметить, что реферат о Т.Г. Шевченко, прочитанный Луначарским в Париже в марте 1911 г. в связи с пятидесятилетием со дня смерти поэта, был издан в украинском переводе во Львове в 1912 г., а потом переиздан в Полтаве в 1917 г. и в Одессе в 1921 г. В 1914 г. во втором номере киевского журнала *Дзвін* (укр. «Колокол») появилась работа Луначарского «Шевченко и Драгоманов»⁹.

² Комаренко Т.О. «Теорія боротьби двох культур» і шляхи розв'язання національного питання в Україні (березень–квітень 1923 р.) // Проблеми історії України: Факти, судження, пошуки. 1994. Вип. 3. С. 86; Гончарова Н.П. Теорія «боротьби двох культур»: дискусія та її наслідки у контексті взаємин міста і села УСРР у 1920-х роках // Вісник Черкаського університету. Серія: Історичні науки. 2010. Вип. 182. С. 94.

³ «Українізація» 1920–30-х років: передумови, здобутки, уроки / відп. ред. В.А. Смолій. Київ: Інститут історії України НАН України, 2003. С. 247.

⁴ Луначарский А.В. О национализме вообще и украинском движении в частности // Украинская жизнь. 1912. № 10. С. 19.

⁵ Об анкете см.: Клопова М.Э. «Больной вопрос». Анкета журнала «Украинская жизнь» 1912–1917 гг. // Славянский альманах. 2015. Вып. 3–4. С. 122–137.

⁶ Луначарский А.В. О национализме вообще и украинском движении в частности. С. 15.

⁷ Там же. С. 17.

⁸ Григорович М. Украинская жизнь // Рада. 1912. 20 листопада. С. 2.

⁹ См.: Луначарский А.В. Неизданные материалы / ред. Н.А. Трифонов. М.: Наука, 1970. С. 210. (Литературное наследство. Т. 82).

Отдавая должное украинской культуре, в ноябре 1920 г. Луначарский подписал резолюцию коллегии Наркомпроса РСФСР, в которой одобрялась политика украинских коллег, их «заботливое отношение к культурным запросам украинского села и большинства населения республики, говорящего на украинском языке». При этом выражалась уверенность в том, что Наркомпрос Украины «озаботится сохранением и русской культуры, к которой примыкает значительная часть населения городов и некоторых местностей Украинской Республики, а также, что Наркомпросом Украины будут приняты меры к бережной охране культурных ценностей национальных меньшинств»¹⁰.

Украинский критик и литературовед С.А. Ефремов, весьма критически отзывавшийся в дневниках и об украинизаторских усилиях властей Советской Украины, и об отношении к переменам в русском обществе, не мог упрекнуть Луначарского в украинофобии. 4 ноября 1925 г. он сделал следующую запись: «Ходили к Луначарскому жаловаться на украинизацию учителя-русские. Он заявление взял и сказал, что ответ даст публично. И действительно, на собрании учительского союза выступил с речью, а в ней отметил, что украинизация должна быть, что это основа развития украинской культуры, что все, кто на Украине живут, должны знать язык украинского народа. “Кто же не хочет учиться — пусть уходят из Украины: мы найдем всем таким место и работу в Великороссии”. Такой ответ учителей-руссопелов мало порадовал»¹¹.

Что же послужило причиной негативной оценки Луначарского современными украинскими историками? Авторы монографии об украинизации 1920–1930-х гг. ссылаются на выступление Луначарского 11 сентября 1926 г. в Краснодаре¹² перед русскими учителями, озабоченными украинизацией на Кубани: нарком советовал пользоваться в школах не украинским, а кубанским языком¹³. Г.Г. Ефименко настаивает: «Луначарский считал, что украинцы Кубани совсем не украинцы и что проводить там украинизацию нет необходимости. Но под давлением фактов и доказательств украинской интеллигенции он вынужден был уступить»¹⁴.

Краснодар был центром Кубанского округа, в котором, по официальным данным переписи 1926 г., всего проживали 1 488 411 человек, из них 915 402 украинцев и 497 496 русских, при этом пользовались украинским языком 729 278 человек, русским — 700 600 человек¹⁵. Большое количе-

¹⁰ Центральный государственный архив общественных объединений Украины (Центральный державний архів громадських об'єднань України; далее — ЦДАГОУ). Ф. 1. Центральный комитет компартии Украины. 1917–1991 гг. Оп. 20. Д. 159. Л. 51.

¹¹ *Ефремов С.О.* Щоденники, 1923–1929. Київ: Газета «Рада», 1997. С. 297.

¹² Авторы пишут о Екатеринодаре, не учитывая того, что название сменилось в 1920 г.

¹³ «Українізація» 1920–30-х років... С. 247–248.

¹⁴ *Ефименко Г.Г.* Національно-культурна політика ВКП(б) щодо радянської України (1932–1938). Київ: Інститут історії України, 2001. С. 127.

¹⁵ Всесоюзная перепись населения 17 декабря 1926 г.: краткие сводки: в 10 т. М.: ЦСУ Союза СССР, 1928. Вып. 4: Народность и родной язык населения СССР. С. 74.

ство украинцев, согласно переписи, проживали и в других округах Северо-Кавказского края РСФСР. Поэтому для местного украинского населения Наркомпрос РСФСР в рамках курса на коренизацию предлагал организовывать национальные школы. В 1924–1925 гг. на Кубани были открыты 150 украинских школ¹⁶.

Украинское население РСФСР относилось к планам коренизации по-разному, часто весьма настороженно. На Кубани были как активные сторонники украинизации, так и ее противники, были и те, кто настаивал на необходимости проводить не украинизацию, а кубанизацию. Так, в начале апреля 1925 г. в Краснодаре прошли учительская конференция Кубанского округа и краевое совещание по украинскому вопросу представителей окружных партийных комитетов. В докладной записке одного из подразделений Наркомпроса РСФСР подчеркивалось: «Украинизация развивается достаточно стихийно, органы партии стоят пока в стороне, четкие, ясные директивы отсутствуют, а эта обстановка усиливает шовинистические настроения, дает возможность кулачеству и прочей братии (а на Кубани есть прилетевшие из Украины “птички” с петлюровским душком) играть на этих настроениях». В то же время автор документа признал: «Вследствие отсутствия понимания на местах в станицах учителям приходится все время доказывать, что украинский язык есть, что школа нужна»¹⁷. Действительно, на совещании по украинизации при Кубанском окрисполкоме в июле 1928 г. учитель Борисенко заявила, что население в станице Марьянской «против украинского языка»¹⁸, а другой выступающий, Бурхан, доказывал, что между «родным материнским языком кубанского казачества и украинским есть большая разница», что число украинских школ увеличивается, но число учащихся в них уменьшается¹⁹. В мае 1928 г. ОГПУ, рассмотрев положение с украинизацией в Кубанском и Донском округах, пришло к следующим выводам. Прежде всего, отмечалось, что украинизация школы «не встречает широкого сочувственного отношения среди местного населения», что русские школы переполнены, а в украинских — недобор²⁰. Вместе с тем

¹⁶ Мартин Т. Империя «положительной деятельности». Нации и национализм в СССР, 1923–1939. М.: РОССПЭН, 2011. С. 393.

¹⁷ Докладная записка заместителя председателя Совета по просвещению национальностей нерусского языка наркома просвещения РСФСР в Президиум Совета об украинизации советского аппарата. [Не позднее 7 мая 1925 г.] // ЦК РКП(б)–ВКП(б) и национальный вопрос / сост. Л.С. Гагагова, Л.П. Кошелева, Л.А. Роговая. М.: РОССПЭН, 2005. Кн. 1: 1918–1933. С. 280–281.

¹⁸ Центральный государственный архив высших органов власти и управления Украины (Центральный державний архів вищих органів влади та управління України; далее — ЦДАВОВУ). Ф. 1. Верховный Совет Украины. 1917–1999 гг. Оп. 4. Д. 616. Л. 39.

¹⁹ Там же.

²⁰ Справка ОГПУ в ЦК ВКП(б) об отношении населения к украинизации школы в Кубанском и Донском округах Северного Кавказа. [31 мая 1928 г.] // ЦК РКП(б)–ВКП(б) и национальный вопрос. Кн. 1: 1918–1933. С. 571.

особо отмечались «неоднократно встречающиеся заявления о необходимости изучения “своего кубанского языка”, а не “чужого украинского”»²¹. Наконец, согласно выводу ОГПУ, «сторонниками украинизации является лишь незначительная часть учительства, преимущественно молодежь, окончившая Кубанский и Киевский педагогический техникумы». В то же время «антисоветские элементы станицы, под покровом украинизации, иногда пытаются вызвать самостийное движение на Кубани, используя с этой целью организуемые при избах-читальнях украинские литературные кружки и т. д.»²².

Среди местного руководства курс на украинизацию тоже вызвал немало вопросов. Как отметил Т. Мартин, свои сомнения власти Северо-Кавказского края объясняли тем, что население говорит на особом «кубанском» языке, оно ассимилировано. Кроме того, украинизация может быть воспринята казаками как уступка и усилит межсословную вражду. Американский исследователь считал, что «опасения нашли свое выражение в секретном циркуляре властей Северо-Кавказского края, составленном в августе 1926 г. В нем предписывалось положить конец украинизации»²³. С.Н. Малахов и С.Г. Немченко в работе, посвященной деятельности кубанского учителя и краеведа П.М. Галушко, указали, что 16 августа 1926 г. в Армавирский отдел народного образования (ОНО) поступило секретное распоряжение из ОНО Северо-Кавказского края о прекращении украинизации школ округа до особого рассмотрения этого вопроса специальной комиссией, создаваемой в Северо-Кавказском крае. Украинизировать разрешалось только те школы, родители учащихся которых сами добровольно этого пожелают²⁴.

Свое отношение к проблеме языка обучения национальных меньшинств Луначарский высказал на Пятом всероссийском съезде заведующих отделами народного образования, состоявшемся 27 мая — 2 июня 1926 г.: «Что касается определения языка в школах, то это один из запутаннейших вопросов и, может быть, вы на вашем совещании поможете его распутать. Из всех писем, которые получены с февраля по вчерашний день (сводка “Учительской Газеты”), я сделал некоторые выборки. Там имеются, между прочим, по поводу нацменьшинств такого рода жалобы: с одной стороны, дубиной загоняют в национальный рай и национальные группы; например, в данной местности, которая целиком связана с русским языком и русской культурой, восстанавливают по этнографическим догадкам, куда поселе-

²¹ Справка ОГПУ в ЦК ВКП(б) об отношении населения к украинизации школы в Кубанском и Донском округах Северного Кавказа. [31 мая 1928 г.] // ЦК РКП(б)–ВКП(б) и национальный вопрос. Кн. 1: 1918–1933. С. 572.

²² Там же. С. 573.

²³ Мартин Т. Империя «положительной деятельности». С. 394.

²⁴ Малахов С.Н., Немченко С.Г. Сохранение памяти. Краеведческая деятельность Петра Митрофановича Галушко. Армавир-Отрадная: издатель Шурыгин В.Е., 2014. С. 54. Исследователи ссылаются на Архивный отдел администрации Армавира.

ние относится, и приписывают им тот язык, который не является для них типичным материнским языком и который идет, может быть, параллельно с русским языком, навязывают ему этот язык как школьный. Это неправильно»²⁵. Далее он подчеркнул, что «насильственная национализация мало чем лучше насильственной русификации, а на это жалуются». Кроме того: «Было бы очень просто <...> следовать желанию родителей, но мы стоим на другой точке зрения учить на материнском языке. Установление его и есть вещь, которая требует уточнения. Я не вижу достаточной точности и ясности принципа, по которому мы проводим это правило»²⁶.

В ответ во время прений заведующий Кубанским окружным отделом народного образования Потапов возразил наркому, что, «прежде чем провести украинизацию, учтены были решительно все возможности. Обсуждался вопрос о том, существует ли в данное время на Кубани украинский язык или нет. Научно и путем обследования комиссиями было доказано, что украинский язык существует, и кубанский язык является одним из видов украинского языка; кубанский говор представляет собой одно из наречий украинского языка». Пересматривать текущую политику не стоит, поскольку «от этого будет громадный ущерб в политическом смысле», и «украинизацию проводить надо»²⁷.

Поездка Луначарского на Кубань, столь возмущившая ярых сторонников украинизации, состоялась 11–12 сентября 1926 г. Нарком побывал в вузах Краснодара, художественном музее, отделе народного образования и выступил с докладами в театрах и кинотеатре. Событие освещалось в местной прессе. В.И. Сергийчук, ссылаясь на «Красное знамя» от 18 сентября, пишет, что Луначарский «на собрании работников местной школы в Краснодаре» заявил: «Украинизация пугает некоторых учителей тем, что русская школа будет украинизирована, и, таким образом, русский язык займет положение языка, который исчезает на Кубани. Эти опасения совершенно безосновательны. Если на Украине проведена основательно украинизация, то это там согласовывается целиком с местным бытом. Здесь же, на Кубани, этого делать нельзя». При этом Луначарский «рекомендовал употреблять в школе вместо украинского языка “кубанский”», таким образом, в будущем будет легче перейти на русский²⁸.

По-видимому, кубанцев беспокоила проблема получения хорошего образования: общим принципом коренизации школ было проведение ее

²⁵ Труды Пятого Всероссийского съезда заведующих отделами народного образования. 27 мая — 2 июня 1926 г. / под ред. А.Я. Подземского. Б.м.: Административно-организационное управление НКП, 1926. С. 31.

²⁶ Там же. С. 32.

²⁷ Там же. С. 47.

²⁸ Сергийчук В. Північний Кавказ: українські аспекти заселення, розвитку господарства та національної свідомості. Київ: ІМФЕ ім. М.Т. Рильського НАН України, 2014. С. 121; «Українізація» 1920–30-х років... С. 247–248.

«снизу», в результате чего национальные меньшинства были в основном обеспечены начальными школами. В 1928 г. комиссия Крайисполкома по украинизации вынуждена была признать «отсутствие украинских школ второй ступени, в силу чего учащиеся украинских школ первой ступени не могли продолжить дальнейшее образование на родном языке»²⁹. Такое положение было весьма распространенным. Например, в УССР дети в начальной школе начинали обучаться на национальном языке, а в семилетке зачастую — на украинском или русском. В результате уровень их подготовки позволял им претендовать на место только в высших учебных заведениях для нацменьшинств — педагогических и сельскохозяйственных³⁰.

Слова Анатолия Васильевича попали на страницы газет. Остап Вишня, написавший по этому поводу юмореску «Конфуз», впервые опубликованную в 1926 г. в сборнике «Украинизируемся», в качестве эпиграфа привел цитату «из разговора с наркомом А.В. Луначарским, напечатанного в Ростовской газете “Молот”»: «Бесспорным фактом является то, что потомки сечевиков на Кубани не говорят на том языке, как говорят коренные, право- и левобережная Украина... Украинская Кубань не должна идти таким точно путем “языкотворчества”, что интенсивно развивают теперь в УССР. Наша задача — не привести кубанцев-украинцев только к формам, выработанным на Украине, а создать школу, основываясь на живом языковом материале кубанских потомков сечевиков». В юмореске рассказывалось, что человечество пришло к коммунизму, на берегу Тигра и Евфрата собралась старая гвардия большевиков-ленинцев, перед которой проходили некогда угнетаемые царизмом нации:

И последними подходили потомки запорожских сечевиков славных — кубанцы-украинцы...

И спросил их Анатолий Васильевич Луначарский:

— Эй вы, запорожцы, вы, славные молодцы. А скажите нам, а расскажите нам, когда начали возрождаться?

И зазвучал кубанский голос коллективный:

— Числа не знаем, ибо календаря не имеем, месяц в небе, год в книге, а день у нас такой, как и у вас, поцелуй за то вот куда нас!*

И сделалось тихо-тихо на берегу Тигра и Евфрата. И, потупив глаза, спросил Анатолий Васильевич Луначарский:

— Что говорите такое, запорожцы, вы, славные молодцы? Ответили потомки славных запорожцев:

²⁹ Протокол заседания комиссии Крайисполкома по вопросу украинизации. Гор. Ростов-на-Дону (1928) // Васильев И.Ю. Украинский национализм, украинизация и украинское культурное движение на Кубани (вторая половина XIX — начало XXI века). М.: Традиция, 2014. С. 273.

³⁰ Якубова Л.Д. Етнічні меншини в суспільно-політичному та культурному житті УСРР. 20-і — перша половина 30-х рр. XX ст. Київ: Інститут історії України НАН України, 2006. С. 417–418.

* В оригинальном тексте: Числа не знаємо, бо календаря не маємо, місяць у небі, год у книзі, а день у нас такий, як і в вас — поцілуй за те он куди нас!

– Как возрождал, так и говорим... На языковом материале сечевиков возрождал! Чего же сердиться!

И еще тише сделалось на берегу Тигра и Евфрата³¹.

Слова российского наркома привлекли внимание руководства Советской Украины не случайно. Как посчитал Т. Мартин, Харьков пытался оказать давление на российские власти и взять реванш за свои уступки в период урегулирования споров о границе между УССР и РСФСР в 1924–1925 гг. Действительно, когда решался вопрос о передаче РСФСР Таганрогского и Александро-Грушевского (Шахтинского) округа Донецкой губернии УССР, а Украине — пограничной территории в Курской, Воронежской и Брянской губерниях, украинские руководители получили меньше, чем рассчитывали. В 1926 г., когда была приостановлена украинизация на Кубани, украинское руководство развернуло, как пишет историк, «шумную публичную кампанию в печати»: была организована специальная колонка об «украинцах в РСФСР» в газете *Vicmi VUЦBK* (укр. «Известия ВУЦИК») с нападками как на центральные органы РСФСР, так и на власти Северо-Кавказского края³².

В этой ситуации слова Луначарского, переданные местной прессой, получили огласку в УССР. Например, востоковед, историк литературы А.Е. Крымский в одной из работ отметил, что слова российского наркома послужили основой для публикации в харьковском «Коммунисте» 28 сентября 1926 г. Газетная заметка передавала ответ Луначарского на вопрос учителей Краснодара о школьной политике на Кубани: «Я постараюсь осветить этот вопрос с точки зрения марксистской педагогики. Вполне ясно, что когда родители требуют перевести школьное обучение на язык, которым сами говорят, то это тотчас сделается. Мы выдвигаем обязательно язык матери, а не какой-то другой. Поэтому всегда вопрос надо ставить о конкретном, бытовом языке, на котором говорит ребенок. В данном случае, значит, не приходится говорить вообще об украинском языке, а конкретно о языке кубанском. Итак, если окажется, что эти 50 процентов населения Кубани говорят не на языке право- и левобережной Украины, а на другом, кубано-украинском, то именно на этом наречии и нужно вести обучение». Крымский признавал, что по поводу рассуждений Луначарского можно сказать много, и «Коммунист» «справедливо и метко» заметил, что «у себя, в коренных губерниях РСФСР, т. Луначарский не сторонник, скажем, калужского языка, или языка тверского, а детишек учит на литературном русском языке». Сам Крымский считал, что такие факты содержат в себе предостережение: нельзя общеукраинскому литературному языку «далеко уходить от языка восточных наших краев и делаться для восточных краев

* В оригинальном тексте: Як відроджував, так і кажемо... На мовному матеріалі січовиків відроджував! Чого ж гніваєшся!

³¹ Вишня О. Конфуз // Твори: в 4 т. Київ: Дніпро, 1988. Т. 1: Усмішки, фейлетони, гуморески, 1919–1925. С. 363–364. О времени написания: Там же. С. 507.

³² Мартин Т. Империя «положительной деятельности». С. 395–396.

малопонятным». Ученый также упомянул, что заметка «Коммуниста» была перепечатана галицийскими и американскими журналами³³.

Высказывание Луначарского стало использоваться в зарубежной украинской — диаспорной — литературе. Так, С. Николишин утверждал, что «социалистическая пролетарская справедливая национальная политика такая же государственная политика, как каждая другая, и использует против украинского народа те же методы, что и “буржуазная”, шляхетская или демократическая». Одним из доказательств он считал то, «что в СССР за пределами СССР не признают украинского языка. Так, например, нарком просвещения Луначарский, хорошо знавший Киев, говорил еще в 1926 г. о... “кубанском” языке»³⁴.

Между тем Луначарский объяснил свою точку зрения на сессии ВЦИК в ноябре 1926 г., где он выступил с докладом о всеобщем начальном обучении. Касаясь проблемы национальных меньшинств, нарком заявил: «Этот вопрос не до конца нами продуман, например, по такому важному вопросу, как введение украинского языка для школ на Кубани, где 60% говорит на украинском языке, мы имеем большие разногласия. В самом деле, как на этот вопрос надо ответить? Должны ли мы обеспечить национальной школой детей только тех родителей, которые требуют этого, или тех, которые фактически в семье разговаривают на украинском языке?»³⁵ Обратим внимание, что Луначарский говорил об украинском, а не о кубанском языке. По мнению наркома, необходимо было точно установить, что значит «школа на национальном языке», «когда переходить на русский язык для тех национальностей, которым нужно заняться изучением русского языка, чтобы не оказаться замкнутыми в своей отсталой культуре?»³⁶. В принятой резолюции, наряду с заявлением об обеспечении «национальностей нерусского языка» школой на родном языке, отмечено: «В местностях с разноязычным населением язык преподавания в школах должен определяться в зависимости от выраженных пожеланий родителей детей школьного возраста и от употребляемого в их домашнем обиходе языка. В тех случаях, когда по желанию родителей учащихся в национальных школах требуется также преподавание русского языка, Народный Комиссариат Просвещения РСФСР и народные комиссариаты просвещения автономных республик должны принять все меры к обеспечению удовлетворения этой потребности»³⁷.

³³ Кримський А. [рец. на:] Д-р Смаль-Стоцький. Правописна справа (1926) // Записки історично-філологічного відділу. Київ: Українська академія наук, 1927. Кн. 12. С. 346–347.

³⁴ Николишин С. Культурна політика большевиків і український культурний процес (публіцистичні рефлексії). Б.м.: На чужині, 1947. С. 40.

³⁵ III Сессия Всероссийского центрального исполнительного комитета XII созыва [5 ноября 1926 г. — 19 ноября 1926 г., Москва — Кремль]: стенографический отчет. М.: Красный пролетарий, 1926. С. 30.

³⁶ Там же. С. 31.

³⁷ III Сессия Всероссийского центрального исполнительного комитета XII созыва: Постановления. М.: Красный пролетарий, 1926. С. 261.

Однако нарком не сомневался в необходимости украинизации в УССР. Свое отношение к украинской культуре Луначарский высказал — в который раз — 14 марта 1927 г. на Шевченковском вечере в Москве, закончив речь словами: «Мы, москвичи, со своей стороны, от сердца нашей страны и всего трудового люда шлем украинцам свой самый искренний привет и пожелания расцвета их культуры, которая должна быть одновременно и национальной, и глубоко общечеловеческой, каким был сам Шевченко в его великих песнях»³⁸.

Через месяц, на очередном всероссийском съезде Советов 10–15 апреля 1927 г., Луначарский подчеркнул свое отношение к принципу «свободного культурного развития» разных народов: «Когда-то Владимир Ильич (Ленин. — Е. Б.) сказал, что страна наша подобна гигантскому каравану, голову которого составляет передовой пролетариат, пролетариат, опередивший по своей сознательности пролетариев всего мира. Питерские и московские пролетарии в минуту Октябрьской революции шли впереди всего мира, и сейчас Москва, Иваново-Вознесенск, Ленинград идут впереди всего мира. С другой стороны, мы имеем огромное туловище деревни нашей, которая еще только сравнительно медленно ползет в деле своего культурного развития. А дальше идет уже длинный хвост, который кончается не только номадами, а прямо дикарями, скажем, наших северных тундр. И нам просто нельзя весь этот длинный поезд продвигать вперед и решить так: мы стоим на точке зрения свободного культурного развития всех национальностей. Этого недостаточно. Нет, мы должны продвигаться так, чтобы задние передних нагоняли, и дело у нас здесь не только в свободе культурного развития отсталых национальностей, а в помощи в деле их культурного развития и в помощи самой интенсивной. Мы должны заботиться об этом»³⁹. Нарком призвал «усилить внимание в эту сторону, нам нужно, как пеликану, вырвать кое-что из своей груди и дать этим отставшим нациям. Нельзя иначе вести наше огромное братское хозяйство, целую большую семью народов, которая живет в РСФСР и Союзе. И с этой точки зрения передвижка средств в сторону нацменьшинств является нашим прямым долгом и отвечает интересам развития страны»⁴⁰. Стоит заметить, что в резолюции съезд признал необходимость усиления развертывания сети национальных школ, в том числе профессионального образования, обеспечения доступа молодежи «из национальностей нерусского языка» в ВУЗы и рабфаки⁴¹.

³⁸ Луначарский А.В. Вступительное слово на Шевченковском вечере 14 марта 1927 г. // Луначарский А.В. Неизданные материалы. С. 214.

³⁹ XIII Всероссийский съезд Советов: [10–15 апреля 1927 г.: стенографический отчет]: бюллетени. М.: б.и., 1927. Бюл. 9. С. 34–35.

⁴⁰ Там же. С. 35.

⁴¹ Резолюция по докладу Народного Комиссара Просвещения РСФСР т. Луначарского А.В. «Об общем состоянии народного просвещения в РСФСР» // XIII Всероссийский съезд Советов: [10–15 апреля 1927 г.: стенографический отчет]: бюллетени. Бюл. 14. С. 35.

На Кубани же сторонники и противники украинизации школ не могли прийти к соглашению. Например, Иван Васильевич Шаля, украинский языковед, преподаватель Кубанского педагогического института, в статье, опубликованной в шестом номере журнала *Життя і революція* (укр. «Жизнь и революция») за 1927 г., возмущался позицией заведующего окружного отдела народного образования Емельянова. На съезде инспекторов народного образования тот заявил, что не является сторонником как «искусственного сдерживания естественного роста украинизации школ», так и «выпячивания» этого вопроса. По мнению Емельянова, вопрос был ясен: «Все должно идти своим естественным путем. Решающее слово об украинизации школы остается за родителями и учащимися, но специальных кампаний по агитации или пропаганде не нужно, что же касается разъяснений, то замазать рот украинцам нельзя: если явится у кого охота прочесть лекцию об украинском языке или культуре — пожалуйста!»⁴²

Между тем сторонники украинизации перешли в наступление, и в ноябре 1927 г. в Ростове создали краевую конференцию с участием представителей Наркомпроса УССР. Сторонникам кубанского языка защитить свою концепцию не удалось, их противники, в частности вышеупомянутый И.В. Шаля, настаивали, что речь кубанского населения чисто украинская. Следующий год выдался напряженным: в марте Совет национальностей по инициативе украинского наркома просвещения Н.А. Скрыпника начал исследование положения украинцев в РСФСР, уделив особое внимание Северному Кавказу; в мае — июне экспедиция Русского музея Ленинграда провела «этнографическое обследование украинского населения Кубани»; наконец, в июле и августе комиссия ВЦИК и ЦКК изучала вопрос о проведении советской национальной политики на Северном Кавказе. 17 июля 1928 г. в Краснодаре состоялось совещание с участием комиссии и советских, партийных и общественных деятелей. Сторонники украинизации настаивали: кубанский говор в научном отношении чисто украинский, и даже в большей степени, чем в УССР. В итоге было решено провести украинизацию ускоренными темпами. Через десять дней на пленуме Кубанского окрисполкома Емельянов вынужден был признать: после долгих споров выяснилось, что украинский язык один, отдельного кубанского языка нет. 9 августа бюро Северо-Кавказского крайкома ВКП(б) постановило в месячный срок разработать план сплошной украинизации⁴³.

Внимание к «кубанским заявлениям» Луначарского было не случайным, поскольку они шли вразрез с соборническими настроениями среди руководства Советской Украины. Надеясь на пересмотр границы республики, в мае

⁴² Шаля І. Українізаційні справи в Північно-Кавказькому краї // Життя і революція. 1927. № 6. С. 407–408.

⁴³ Сергійчук В. Північний Кавказ. С. 125–127; Мартин Т. Империя «положительной деятельности». С. 398; Васильев И.Ю. Украинский национализм, украинизация и украинское культурное движение на Кубани. С. 82.

1927 г. ЦК КП(б)У направил в ЦК ВКП(б) докладную записку, предлагая передать Украине часть районов Курской и Воронежской губерний, заселенных, по мнению Харькова, украинцами, а также вернуть УССР Шахтинский и Таганрогский округа. Среди доводов украинского руководства значились и извращения национальной политики партии в отношении украинского населения⁴⁴. На X съезде КП(б)У Н.А. Скрыпник вновь коснулся вопроса о районах Курской и Воронежской губерний, прямо заявив: «Мы ставим своей задачей и ставим вопрос перед ВКП(б) о государственном объединении в границах УССР украинского народа, живущего за пределами Украины <...>. Это украинское население не входит в состав Украинской Советской Республики и это мешает ему в культурном развитии, поскольку оно не имеет возможности развиваться культурно и не имеет достаточного обслуживания своих национальных потребностей»⁴⁵. Не добившись успеха, через год, в мае 1928 г., когда началась подготовка к созданию Центрально-Черноземной области, харьковское руководство вновь выдвинуло территориальные претензии — на часть Воронежской и Курской губерний⁴⁶. Однако ЦК ВКП(б) 24 мая 1928 г. постановил «признать нецелесообразным в данный момент предложение украинцев о присоединении к Украине некоторых уездов Курской и Воронежской губерний»⁴⁷. На следующий год, 12 февраля 1929 г., во время встречи с украинскими писателями, Сталин прямо заявил: «Слишком часто меняем границы — это производит плохое впечатление и внутри страны, и вне страны»⁴⁸. Осенью этого же года Луначарский был смещен с поста наркома просвещения и назначен председателем Комитета по заведованию учеными и учебными учреждениями ЦИК СССР.

На Кубани принялись за украинизацию. Известный историк Н.И. Павленко, родившийся в семье кубанского казака и окончивший в Ейске педтехникум в 1933 г., вспоминал, что «с подачи тогдашнего наркома просвещения УССР Николая Скрыпника Украина была объявлена “ненькой” (матерью) Кубани». Менялись вывески на учреждениях, а преподавателям дали год для овладения украинским языком. По мнению историка, «кубанский жаргон <...> существенно отличался как от украинского, так и от русского языка», поэтому украинизация создавала дополнительные трудности не только для педагогов, но и для студентов: «Мы мыслили на русском, поэтому писали сочинения по-русски, а затем с помощью словаря переводили текст его на украинский»⁴⁹.

⁴⁴ Боєчко В.Д., Ганжа О.І., Захарчук Б.І. Кордони України: історія та проблеми формування (1917–1940 рр.) // Український історичний журнал. 1992. № 1. С. 70.

⁴⁵ Российский государственный архив социально-политической истории (далее — РГАСПИ). Ф. 17. Центральный Комитет КПСС. 1898, 1903–1991. Оп. 26. Д. 8. Л. 243.

⁴⁶ ЦДАГОУ. Ф. 1. Оп. 20. Д. 2673. Л. 33–37.

⁴⁷ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 688. Л. 2.

⁴⁸ Стенограмма встречи опубликована: Шаповал Ю.И. Україна ХХ століття: особи та події в контексті важкої історії. Київ: Генеза, 2001. С. 112.

⁴⁹ Павленко Н.И. Воспоминания историка. М.: Памятники исторической мысли, 2016. С. 34–35.

Однако период интенсивной украинизации Кубани был недолгим: уже 14 декабря 1932 г. вышло известное постановление ЦК ВКП(б) и СНК СССР «О хлебозаготовках на Украине, Северном Кавказе и в Западной области». Украинизация в районах Северного Кавказа была оценена как «легкомысленная, не вытекающая из культурных интересов населения», небольшевистская, которой воспользовались враги советской власти — кулаки, офицерство, реэмигранты-казаки, участники Кубанской Рады. Дело-производство украинизированных районов, газеты и журналы переводились на русский язык, как «более понятный для кубанцев». К осени в этих районах следовало перевести на русский язык преподавание в школах⁵⁰.

С изменениями в политике и идеологии прежние оценки высказываний Луначарского сменились прямо противоположными. И.Ю. Кулик, возглавивший в 1934 г. Союз советских писателей Украины, на траурном митинге памяти Луначарского в Комкадемии в Москве 4 января 1934 г. произнес слова покаяния, осудив тех шовинистов, контрреволюционеров и двурушников с партбилетом в кармане, которые набросились «с обвинениями в “великодержавном шовинизме” за вполне правильное выступление т. Луначарского об украинизации на Северном Кавказе». «Тов. Луначарский в том выступлении совершенно правильно и по-партийному доказывал, что подавляющее большинство Северного Кавказа не употребляет украинского языка, что, в частности, речь кубанского казачества со времен его переселения из Запорожья значительно изменилась и перестала быть по сути украинской, правильно и своевременно предостерегал нас Анатолий Васильевич от националистической установки на украинизацию Северного Кавказа»⁵¹, — говорил украинский поэт и прозаик.

«Кубанские высказывания» Луначарского не нашли места в советском каноническом образе наркома, практически не уделяется внимания им и в современной историографии, ограничивающейся краткой констатацией факта. Безусловно, взгляды Луначарского на языковую ситуацию на Кубани еще ждут своего исследователя, пока же можно предположить: Анатолий Васильевич пытался маневрировать между сторонниками и противниками украинизации на Северном Кавказе. При этом он не мог не учитывать настроения тех слоев населения, которые стремились дать своим детям возможность не ограничиваться начальной школой на национальном языке, но продолжить обучение и получить образование в средних и высших учебных заведениях с русским языком преподавания. Нарком понимал, что для создания полной вертикали образования на языке многочисленных нацио-

⁵⁰ Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) «О хлебозаготовках на Украине, Северном Кавказе и в Западной области». 14 декабря 1932 г. // ЦК РКП(б)–ВКП(б) и национальный вопрос. Кн. 1: 1918–1933. С. 696–698.

⁵¹ Пам'яті більшовика-інтернаціоналіста (3 промови голови Оргкомітету СРП УССР т. І. Кулика на траурному мітингу пам'яті А.В. Луначарського в Комкадемії в Москві, 4 січня 1934 р.) // Червоний шлях. 1934. № 1. С. 188.

нальних меншинств РСФСР не було можливостей: не хватало фінансов, кадрів, учебників. В цій ситуації Луначарський намагався зрозуміти в тому, наскільки населення Кубані пов'язано з російським мовою і російською культурою; чи навчати всіх дітей на «материнській мові» чи ж опиратися на бажання батьків; як створити можливість національним меншинствам отримати освіту в центральних вишах. Але, якщо в вересні 1926 г. нарком радив навчати дітей на місній, кубанській мові, то в листопаді на сесії ВЦІК він говорив уже про українську мову в школах Кубані.

Литература

- Босчко В.Д., Ганжа О.І., Захарчук Б.І.* Кордони України: історія та проблеми формування (1917–1940 рр.) // Український історичний журнал. 1992. № 1. С. 56–77.
- Васильєв І.Ю.* Український націоналізм, українізація і українське культурне рухання на Кубані (друга половина ХІХ — початок ХХІ століття). М.: Традиція, 2014.
- Гончарова Н.П.* Теорія «боротьби двох культур»: дискусія та її наслідки в контексті взаємн міст і сіл УСРР у 1920-х роках // Вісник Черкаського університету. Серія: Історичні науки. 2010. Вип. 182. С. 92–97.
- Дашкевич Я.Р.* Українізація: причини і наслідки // Слово і час. 1990. № 8. С. 55–64.
- Сфіменко Г.Г.* Національно-культурна політика ВКП(б) щодо радянської України (1932–1938). Київ: Інститут історії України, 2001.
- Клопова М.Э.* «Больной вопрос». Анкета журналу «Українська життя» 1912–1917 гг. // Славянський альманах. 2015. Вип. 3–4. С. 122–137.
- Комаренко Т.О.* «Теорія боротьби двох культур» і шляхи розв'язання національного питання в Україні (березень–квітень 1923 р.) // Проблеми історії України: Факти, судження, пошуки. 1994. Вип. 3. С. 84–90.
- Малахов С.Н., Немченко С.Г.* Сохранение памяти. Краеведческая деятельность Петра Митрофановича Галушко. Армавир-Отрадная: издатель Шурыгин В.Е., 2014.
- Мартин Т.* Империя «положительной деятельности». Нации и национализм в СССР, 1923–1939 / пер. с англ. О.Р. Щелоковой. М.: РОССПЭН, 2011.
- Сергійчук В.* Північний Кавказ: українські аспекти заселення, розвитку господарства та національної свідомості. Київ: Інститут мистецтвознавства, фольклористики та етнології ім. М.Т. Рильського НАН України, 2014.
- «Українізація» 1920–30-х років: передумови, здобутки, уроки / відп. ред. В.А. Смолій. Київ: Інститут історії України НАН України, 2003.
- Шаповал Ю.И.* Україна ХХ століття: особи та події в контексті важкої історії. Київ: Генеза, 2001.
- Якубова Л.Д.* Етнічні меншини в суспільно-політичному та культурному житті УСРР. 20-і — перша половина 30-х рр. ХХ ст. Київ: Інститут історії України НАН України, 2006.

References

- Boiechko, V.D., Hanzha, O.I., Zakharchuk, B.I., 1992. Kordony Ukrainy: istoriia ta problemy formuvannia (1917–1940 rr.) [Borders of Ukraine: history and problems of formation (1917–1940)]. *Ukrains'kyi istorychnyi zhurnal*, 1, pp. 56–77.
- Dashkevych, Ia.R., 1990. Ukrainizatsiia: prychny i naslidky [Ukrainization: causes and consequences]. *Slovo i chas*, 8, pp. 55–64.
- Honcharova, N.P., 2010. Teoriia “borot’by dvokh kul’tur”: dyskusii ta ii naslidky u konteksti vzaiemyn mista i sela USRR u 1920-kh rokakh [Theory of “confrontation of two cultures”: discussion and its consequences within context of relations between town and village in USSR (1920th)]. *Visnyk Cherkas'koho universytetu. Seriia: Istorychni nauky*, 182, pp. 92–97.
- Iakubova, L.D., 2006. *Etnichni menshyny v suspil'no-politychnomu ta kul'turnomu zhytti USRR. 20-i — persha polovyna 30-kh rr. XX st.* [Ethnic minorities in the socio-political and cultural life of the USSR. 20 — the first half of the 30’s of the XX century]. Kiev: Instytut istorii Ukrainy NAN Ukrainy.
- Iefimenko, H.H., 2001. *Natsional'no-kul'turna polityka VKP(b) shchodo radians'koi Ukrainy (1932–1938)* [National-cultural policy of the CPSU (b) concerning Soviet Ukraine (1932–1938)]. Kiev: Instytut istorii Ukrainy.
- Klopova, M.E., 2015. “Bol’noi vopros”. Anketa zhurnala “Ukrainskaia zhizn” 1912–1917 gg. [“A sore point”. Questionnaire of the journal “Ukrainian Life” 1912–1917]. *Slavianskii al'manakh*, 3–4, pp. 122–137.
- Komarenko, T.O., 1994. “Teoriia borot’by dvokh kul’tur” i shliakhy rozv’iazannia natsional’noho pytannia v Ukraini (berezen’–kviten’ 1923 r.) [“Theory of the struggle of two cultures” and ways to solve the national question in Ukraine (March–April 1923)]. *Problemy istorii Ukrainy: Fakty, sudzhennia, poshuky*, 3, pp. 84–90.
- Malakhov, S.N., Nemchenko, S.G., 2014. *Sokhranenie pamiati. Kraevedcheskaia deiatel'nost' Petra Mitrofanovicha Galushko* [Saving memory. The study of local lore by Pyotr Mitrofanovich Galushko]. Armavir-Otradnaia: izdatel' Shurygin V.E.
- Martin, T., 2011. *Imperiia “polozhitel'noi deiatel'nosti”*. *Natsii i natsionalizm v SSSR, 1923–1939* [The affirmative action empire: nations and nationalism in the Soviet Union, 1923–1939]. Moscow: ROSSPEN.
- Serhiichuk, V., 2014. *Pivnichnyi Kavkaz: ukrains'ki aspekty zaselennia, rozvytku gospodarstva ta natsional'noi svidomosti* [North Caucasus: Ukrainian aspects of settlement, economic development and national consciousness]. Kiev: Instytut mystetstvoznavstva, fol'klorystyky ta etnologii im. M.T. Ryl's'koho NAN Ukrainy.
- Shapoval, Iu.Y., 2001. *Ukraina XX stolittia: osoby ta podii v konteksti vazhkoi istorii* [Ukraine of the twentieth century: persons and events in the context of difficult history]. Kiev: Henezia.
- Smolii, V.A., ed., 2003. *“Ukrainizatsiia” 1920–30-kh rokiv: peredumovy, zdobutky, uroky* [“Ukrainization” of 1920–30th: preconditions, achievements, lessons]. Kiev: Instytut istorii Ukrainy.
- Vasil'ev, I.Iu., 2014. *Ukrainskii natsionalizm, ukrainizatsiia i ukrainskoe kul'turnoe dvizhenie na Kubani (vtoraia polovyna XIX — nachalo XXI veka)* [Ukrainian nationalism, Ukrainization and the Ukrainian cultural movement in the Kuban (second half of the XIX — beginning of the XXI centuries)]. Moscow: Traditsiia.